

An impressionist painting of a woman in a light blue dress and a wide-brimmed hat walking through a lush garden. The scene is filled with vibrant green foliage and bright red flowers. The brushwork is visible and textured, characteristic of the Impressionist style.

Екатерина

Уильямс

Черт-те что и сбоку бантик

A close-up impressionist painting of a field of flowers. The composition is a dense, colorful mosaic of pink, red, yellow, and white blossoms, with green leaves interspersed. The brushstrokes are short and vibrant, creating a sense of light and movement.

Екатерина Николаевна Вильмонт Черт-те что и сбоку бантик

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7432713

Вильмонт, Екатерина Николаевна Черт-те что и сбоку бантик: АСТ;

Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085564-3

Аннотация

Скромная журналистка Наталья Завьялова даже отдаленно не могла предположить, чем обернется рядовая командировка в Питер. Сама она определяет случившееся с ней как цунами. Казалось бы, после цунами остаются обломки, но настоящая любовь помогает ей и ее любимому построить из обломков плот, чтобы плыть к новым берегам...

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Екатерина Вильмонт

Черт-те что и сбоку бантик

Подумаешь, как счастье своеюравно!
А. С. Грибоедов

© Вильмонт Е.Н., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Часть первая

Поезд остановился. Глеб Витальевич не спеша оделся и вышел из вагона. Хорошая штука этот «сапсан». Терпеть не могу ночные поезда. Непременно встретишь знакомых, с которыми обязательно нужно выпить и полночи слушать их lamentации по самым разным поводам, от международной политики до сугубо личных дел. А у него и своих проблем выше головы, зачем ему чужие? А тут сел в поезд без четверти семь утра, а через три с половиной часа уже в Питере. Ни разу еще в этом поезде он не столкнулся ни с кем из знакомых. Благодать! Шофер, который должен был его встретить, опаздывал. Ничего страшного, сказал он себе. Не бесись, не все же такие пунктуальные, как ты. И тут он вдруг увидел у соседнего вагона молодого мужика с табличкой и букетом цветов. На табличке крупными буквами значилось: «Самая обворожительная шатенка с неотразимой улыбкой». Глеб Витальевич улыбнулся. Чего только не придумает нынешняя молодежь. Интересно было бы взглянуть на эту самую обворожительную, небось, страхолюдина какая-нибудь... Но тут он заметил, что встречающий радостно замахал букетом и протянул руки к женщине, выходящей из вагона, при этом табличка упала на не слишком чистый перрон. Глеб Витальевич сделал несколько шагов в том направлении, хотелось лучше разглядеть женщину. Он умел переключаться на по-

сторонние вещи, и это сберегало много нервных сил. А женщина и впрямь была хороша. И улыбка действительно неотразимая. Ах, как она улыбалась... Молодой человек чмокнул ее в щечку. Взял чемоданчик, и они пошли к выходу, весело болтая. Это не было похоже на встречу влюбленных. Странно. Такая табличка... А, может, он встречал ее по просьбе друга? Или это его сестра? А тебе-то что, Глебушка? Ты-то тут причем?

– Глеб Витальевич, простите ради бога, на Петроградской попал в пробку...

– Ладно, поехали!

И тут же он забыл о прелестной незнакомке. Включился в рабочий ритм.

Переговоры проходили «в теплой дружественной обстановке». Он приехал в Питер сам, чтобы ничего не упустить, не полагаться в столь важном деле на заместителей. Принцип «хочешь сделать хорошо, сделай сам», в конце концов, никто не отменял. И на сей раз все действительно получилось хорошо. Все-таки я молодец, с удовольствием подумал он. И тут же позвонил домой. Он был достаточно суверен. Но и дома все было в порядке. Младший сын сидел, как почти всегда, за роялем, а старший, сообщила жена, только что звонил. Он учится в Англии. Вот и славно, выдохнул Глеб Витальевич. Как приятно узнать, что твой сын, которому пятнадцать, сидит не за компьютером, а за роялем... Впрочем, компьютером парень тоже не брезгует, но как говорится, без

фанатизма. Словом, все путем.

В Питере он любил останавливаться в отеле «Петро-палас», что на Малой Морской. Там было достаточно комфортно, но не пафосно, чего он не любил. И к тому же утром можно будет прогуляться к Неве, если погода позволит. И вообще от всего близко. И от Дворцовой площади и от Исаакия и от Адмиралтейства. Он любил Питер и никогда не упускал случая лишний раз побывать тут. «Строгий стройный вид» любимого города как-то странно успокаивал его. Но он любил бывать здесь один. Зайти в кафе, выпить чашку кофе, почему-то казалось, что в Питере кофе вкуснее, чем в Москве. Но он никогда никому об этом не говорил.

– Глеб Витальевич, какие планы на завтра? – спросил Толя, прикомандированный к нему водитель.

– В половине одиннадцатого жду.

– Есть!

Да, утром не погуляешь, в декабре в десять еще темно. Да и вообще весь завтрашний день расписан по минутам. Ох, тяжела ты шапка Мономаха, даже если в твоём ведении не огромная Россия, а всего лишь один, да и то не самый главный телеканал, но взялся за гуж... ладно, назад поеду трехчасовым «сапсаном» послезавтра. В первом классе и поработать можно. А уж послезавтра с утра никаких дел нет. Хорошо!

Наутро он спустился в ресторан. Он получал огромное

удовольствие от этих гостиничных завтраков. Ешь, что понравится, никто не будет считать калории, говорить о пользе или вреде того или иного блюда. И первым делом положил на тарелку два пирожка, с капустой и мясом. Взял несколько кусочков очень аппетитной лососины... Почему-то в Москве та же самая рыбка называется семгой. Лососины там нет в принципе. А еще хлеб, масло и яйцо всмятку. С удовольствием все это умяв, он налил себе чаю из большого самовара, и взял две удивительно аппетитные с виду сладкие булочки. Гулять так гулять. Он откусил кусок булочки, ощутил истинное блаженство и тут же заметил задумчиво бредущую вдоль столов со снедью давешнюю шатенку. Она была в зеленом шерстяном платье и высоких сапогах. Фигура у нее что надо, как, впрочем, и лицо. И она не такая уж юная. Ей лет тридцать. Держится уверенно. Не мой тип, подумал он. Или просто виноград зелен? Зелен, зелен... Тем более и платье у нее зеленое...

Незнакомка выбрала себе что-то и села. Черт возьми, до чего интересное лицо. Ах, как бы она смотрелась на экране. В ней есть некая изысканность. Но она, скорее всего, не имеет никакого отношения к масс-медиа. Да и не в чести нынче интеллигентные лица на телевидении. Там в основном правят бал хабалки, невыносимые наглые хабалки. Что ж, спрос рождает предложение. А жаль! Он вытер губы и встал. Виноград пусть себе зреет. От зеленого бывает ой как плохо!

И он забыл о незнакомке. Слишком много дел предстоя-

ло. Вспомнил о ней только утром следующего дня. Но она не пришла на завтрак. То ли уже уехала, то ли еще спит, или поела раньше. А впрочем, бог с ней. Он опять с удовольствием позавтракал. Потом поднялся в номер, оделся и вышел на улицу. Было еще темно. Но его это не смутило и он направился к Исаакиевскому собору. Заходить не стал, обогнул его и подошел к Медному всаднику. С Невы веяло холодом. Как я люблю этот город... Может, потому что когда-то встретил тут Таню? Именно тут, у Медного всадника. Ему было двадцать, а ей восемнадцать... Он был нищ, как церковная мышь. И Таня тоже. Но разве это мешало чему-нибудь? Они тогда и не думали о материальных благах. Им было хорошо вместе, и казалось, впереди столько счастья... Тани давно нет в его жизни и счастья тоже. А было ли оно вообще? И бывает ли? Нет, бывают только мгновения счастья. И почти все эти мгновения странным образом были связаны с Питером... И старший сын тоже родился в Питере. Странно, в Москве его никогда не посещают такие праздные мысли. И на отдыхе в разных странах мира тоже. Он всегда думает о делах, о работе и только в Питере ему удается ненадолго от этих мыслей освободиться. Он вдруг замерз. Ничего, зайду в какое-нибудь кафе, согреюсь и пойду дальше, машина придет только в два, так что время есть. Он вышел на Большую Морскую. И тут же увидел какое-то кафе. Толкнул дверь и вошел. Милая девушка приветствовала его. Он повесил пальто на круглую вешалку, пригладил волосы, сел

и сразу попросил принести кофе по-ирландски. Хорошо согревает, проверено. И тут он заметил знакомую незнакомку. Она сидела за столиком и нервно поглядывала на часы. Ждет кого-то. Похоже, она не выспалась, на бледном лице было написано раздражение. Но тут в дверь влетел какой-то парень в клетчатой куртке. Лицо его показалось Глебу Витальевичу знакомым. А, это Андрей Лутохин, входящий в моду артист питерского театра, Глеб Витальевич забыл, какого именно. Парень уже снялся в нескольких неплохих фильмах, а после весьма удачного сериала стремительно набирал популярность. Так, это не randevу, это, похоже, интервью. Ага, значит, она журналистка – выложила на стол диктофончик, вооружилась пухлым блокнотом. Улыбнулась запыхавшемуся артисту, и он, похоже, сразу растаял. Глебу Витальевичу не было слышно, о чем они говорят. Но он глаз не сводил с лица шатенки. И сердце замерло в радостном предчувствии удачи. Он был профессионалом высочайшего класса и сразу увидел, что девушка может быть замечательным приобретением для его канала. Не пори горячку, Глебушка, сказал он себе, с ней надо еще поговорить. Может, у нее некрасивый голос, вульгарные интонации, может, она вообще непроходимая дура. Ему расхотелось гулять. Он решил дождаться конца интервью. И заказал себе еще кофе. Здесь взбитые сливки присыпали хорошо прожаренными кофейными зернами. Он с удовольствием их разгрызал. Но вот Лутохин взглянул на часы и стал прощаться. А парень хорош, ревниво подумал

Глеб Витальевич. Лутохин умчался, а незнакомка стала собирать свои вещи и подозвала официантку. Но вместо счета та подала ей кусок торта.

Глеб Витальевич встал и направился к ее столику.

– Простите великодушно!

Она вскинула на него глаза. Они оказались серо-зелеными. В них мелькнуло узнавание. Но она не была уверена.

– Позвольте к вам обратиться?

– Да, пожалуйста. Садитесь.

– Я...

– Глеб Витальевич, вы можете не представляться, – улыбнулась она.

– О, я польщен! А вы...

– А я журналистка, Наталья Завьялова.

– А где...

– Я фрилансер.

– А...

Голос у нее чудесный. Она выжидательно смотрела на него. Но без тени дешевого кокетства, лишь с легким недоумением. Что могло понадобиться главе телеканала от скромной журналистки? Он заметил на пальце обручальное кольцо.

– Наташа, я давно думаю сделать у себя на канале программу...

Она вспыхнула.

– ...«Разговор по душам» или что-то в этом роде. Но я

пока не видел никого, кто мог бы с этим справиться. У меня очень высокие требования. Мне нужен человек, который умеет разговаривать с людьми и при этом управлять разговором. Не перебивать каждую минуту собеседника, чтобы показать себя, но и не давать ему уходить в сторону и нарушать хронометраж, а при этом быть еще и личностью... Ну и красивой женщиной, конечно.

Ее лицо пылало.

– Ну, что скажете?

– А что я, собственно, могу сказать? Конечно, это интересно, но я не очень понимаю, какое это ко мне имеет отношение? Я никогда не работала на телевидении.

– Но попробовать-то хотели бы?

– Я не знаю... Не думала как-то...

– Какое у вас образование? Журфак?

– Нет. Филфак МГУ.

– Еще лучше! Я тут наблюдал, как вы общались с Лутухиным, и мне понравилось, как живо вы реагировали, создалось впечатление, что человек, с которым вы говорили, вам интересен.

– Понимаете, если человек мне совершенно не интересен, я просто не имею с ним дела. Я ведь свободный художник.

– Ну, на телевидении вам пришлось бы иметь дело с разными людьми...

– Я это понимаю.

– То есть вы готовы попробовать?

– Вероятно, нельзя пренебрегать таким шансом, – улыбнулась она.

– А можно один личный вопрос?

– Да.

– Кто вас позавчера встречал на вокзале?

Она рассмеялась.

– Это мой брат. Он вечно что-нибудь выдумывает.

– А когда вы возвращаетесь в Москву?

– Завтра.

– Оставьте мне ваши координаты, с вами свяжутся и пригласят на пробы... Хотя нет. Сделаем не так. Я пока не хочу ворошить наш муравейник. Я сам вам позвоню, и мы сделаем пробы, так сказать, в частном порядке...

– Глеб Витальевич!

– Простите, это прозвучало как-то двусмысленно. Ради бога простите, я ничего не имел в виду. Просто я устрою вам сначала пробу в каком-нибудь кафе. Вы возьмете интервью у одной артистки, моей родственницы...

– Вероники Сизовой?

– Именно! – рассмеялся он. – Вас снимет хороший оператор. Я ничего вам не обещаю, кроме этой пробы. Меня там не будет, я просто посмотрю материал и тогда решу, стоит ли вообще затеваться. Вас такой вариант устраивает?

– Вполне.

– Вот и чудесно! А сейчас мне надо спешить.

В поезде он первым делом открыл ноутбук, завел в поисковик «Журналист Наталья Завьялова». Сведений было вполне достаточно. Завьялова Наталья Алексеевна, 1981 года рождения, окончила романо-германское отделение филфака МГУ, замужем, имеет дочь 2005 года рождения. По окончании университета работала в школе, затем в газете «Московская правда», затем на радио и в газетах «Труд» и «Известия», в настоящее время на вольных хлебах. Затем он нашел некоторые ее интервью с известными людьми. И поразился их небанальности. Здорово! Вот вроде бы все, что интересно массовому читателю, там есть, а при этом она всегда отлично подготовлена к теме, никогда не плавает, как иные журналисты, в привычном море общих слов и положений, к каждому у нее свой подход и она всегда знает, что говорит, и в то же время у нее чувствуется свое собственное, не всегда, впрочем, лестное, мнение об интервьюируемом. Кажется, это именно то, что я хотел... Надо еще посмотреть, как она будет держаться перед камерой и, главное, сможет ли работать в команде. Ведь одно дело самой готовиться к интервью, и совсем другое, когда работаешь в команде. Телевидение это командная игра. Как бы ни был хорош солист, а без хорошей команды он никто. Команду я соберу, с этим проблем не будет, но сработается ли она с командой? Вот почему-то она ушла на вольные хлеба... Впрочем, у нее ребенок, возможно, именно из-за ребенка. Дочке всего девять лет, а работа у нас потребует очень много времени. Что ж, погля-

дим, попытка все же не пытка. Но если все сложится, надо будет закабалить ее контрактом так, чтобы не перехватил Первый канал. Они любят снимать сливки. Хотя она для них, вероятно, слишком изысканна, они продвигают в последнее время таких хабалок...

– Наташка, ты чего такая? – спросил брат, сразу увидевший, что она донельзя взволнована. – Что-то случилось?

– Еще нет, Женька, но может случиться...

– Плохое или хорошее?

– Откуда я знаю!

– Выкладывай! – потребовал брат.

– Даже боюсь говорить... Чтоб не сглазить.

– Тогда, значит, это хорошее. Я не сглажу, ты же знаешь!

– Жень, вообрази, я сегодня брала интервью у Лутохина.

– И он в тебя влюбился?

– Да нет... – поморщилась Наташа. – Но когда он убежал, ко мне вдруг подошел... Кузьмин...

– Певец?

– Еще не хватало! Нет, Глеб Витальевич Кузьмин, глава ТВ-Супер.

– И что?

– Спросил, не хочу ли я вести у них на канале программу «Разговор по душам» или что-то в этом роде.

– Супер! Вот уж воистину супер! А ты что?

– Ну, я сказала, что в принципе можно попробовать... – дрожащим от волнения голосом проговорила Наташа.

– А ты бы этого хотела?

– А ты как думаешь?

– Кто тебя знает! Ты сколько раз отказывалась от, казалось бы, прекрасных предложений.

– Большинство из которых на поверку оказывались мыльным пузырем. А тут...

– Он положил на тебя глаз? Значит, мужик со вкусом!

– Вообще-то он обратил внимание на меня только благодаря твоему дурацкому плакатику на вокзале!

– Да ну? Значит, не такой уж он дурацкий! – рассмеялся Евгений. – А ты чего не ешь? Надькин грибной суп – это шедевр!

– Знаю, и мечтала о нем, но сейчас просто ничего в горло не лезет.

– Тогда выпей рюмку водки!

– Да, наверное... Я ж тут не за рулем, давай!

– Значит, моя сестренка в скором времени может стать суперзвездой телеканала «Супер»? За это надо выпить!

– С ума сошел! Пока об этом рано даже говорить. Кузьмин сказал, что... Похоже, у них там тот еще гадюшник. Меня там запросто сожрать могут. Он сказал, что пробы мне устроит в частном порядке.

– Это в койке, что ли?

– Я в первый момент тоже так подумала, но он дико перепугался! Нет, просто пробы будут не в студии, а в кафе, где я буду брать интервью у его родственницы, Сизовой.

– Актрисы?

– Ну да!

– Еще лучше! Ты, по крайней мере, не зажмешься так, как зажалась бы в студии.

– Конечно, но с другой стороны, а вдруг, если дело дойдет до студии, я так зажмусь, что все провалю?

– Да с чего бы это? Ты что, уродка какая-нибудь или безграмотная дура? У тебя с ай-кью все в порядке, ты работала на радио, а в телевизоре вообще будешь охренительно прекрасной! И у тебя, главное, есть свой стиль... В наше время это очень-очень важно. И вообще, Наташка, я всегда знал, что рано или поздно ты станешь звездой!

– Да ладно...

– Ты дуреха, сестренка, цены себе не знаешь, замуж плохо вышла...

– Да чем же плохо? Артур известный адвокат...

– Ну и черт с ним! А племяшка моя всегда будет Артуровной, бред какой-то! Анастасия Артуровна, куда это годится?

– Опять двадцать пять! – рассмеялась Наташа. – Артур же не виноват, что его назвали Артуром!

– Не виноват! Но когда получал паспорт не хватило ума взять нормальное имя.

– Не ворчи, братишка, я знаю, что ты Артура не жалуешь, но мне на это начхать, если честно.

– Вот помяни мое слово – если ты станешь телезвездой, а ты таки ею станешь, он будет ох как недоволен!

– Да почему?

– Да потому, что с женщины, работающей на телевидении, уже не потребуешь, чтобы она сама рубашки ему стирала и так далее...

– Он ничего с меня не требует.

– А с тебя и требовать не надо! Ты сама ему всегда верой и правдой служила. А теперь не сможешь, и я этому жутко рад!

– Женька, окстись, ты уже считаешь, что моя телевизионная карьера состоялась, а я в этом сильно сомневаюсь.

– Ну и зря! Ты должна настраивать себя на успех, ведь если ты в него не веришь, его и не будет!

– Это верно, братик!

...В поезде Наташа достала планшетник и принялась искать информацию об известной театральной актрисе Веронике Сизовой, двоюродной сестре Кузьмина. Это была женщина своеобразная, с нелегкой актерской судьбой, известность пришла к ней в сорок лет, после роли леди Макбет, сыгранной случайно, на замене, когда основная исполнительница попала в больницу после тяжелой автомобильной аварии. Дело было на гастролях в Шотландии, на театральном фестивале. Положение в труппе было безвыходное, и Сизову выпустили, что называется, с горя. Но она произвела фурор! С тех пор прошло восемь лет, и за эти годы Сизова переиграла массу классических ролей. Ее приглашали в кино, но один опыт оказался неудачным, она себе категорически не понравилась на экране и с тех пор отказывается играть

в кино и на телевидении. Характер у нее нелегкий, интервью давать она не любит. И не факт еще, что согласится участвовать в пробе какой-то неведомой журналистки. Но если все же согласится, надо не ударить лицом в грязь.

Наташа даже не заметила, как поезд прибыл на Ленинградский вокзал. И очень удивилась, заметив на перроне мужа.

– Артур? Что-то случилось? – испугалась вдруг она.

– Да почему? – широко улыбнулся он. – Просто вышло время, так почему бы не встретить любимую жену?

– Что ж, спасибо. Как там Аська?

– Аська? Все хорошо. Уроки делает. Очень основательная девица у нас растет. И добросовестная.

– Ты на машине?

– Что за вопрос, любовь моя?

– Но в Москве сейчас такие пробки...

– И что? По-твоему я буду ездить на метро? Да ни за какие коврижки! При наличии современных гаджетов в пробках можно делать кучу дел. А ты что такая вздрюченная? Что-то случилось?

– Да нет, все в порядке.

Наташа решила пока не говорить мужу о предложении Кузьмина. А то мало ли...

– Как там твой брат?

– У него все хорошо! Представь себе, он встречал меня с табличкой: «Самая обворожительная шатенка с неотразимой

улыбкой»!

– Что за чушь?

– Почему чушь? Просто приколы! Или ты уже не считаешь меня обворожительной?

– Ну что ты, дурочка! Конечно, считаю! Просто не лень более чем взрослому мужику такой фигней заниматься?

– Значит, не лень! – пожала плечами Наташа.

Разумеется, на Садовом кольце они попали в пробку.

– Натуль, ты не обидишься, если я пока просмотрю кое-какие документы?

– Ради бога! – даже обрадовалась Наташа. – Я тоже пока поработаю.

И каждый занялся своим делом.

Прошло минут сорок, а они все стояли. И компьютер сообщал, что в Москве почти что транспортный коллапс.

У Наташи зазвонил телефон.

– Алло!

– Наташа, это Кузьмин! Вы уже в Москве?

– Да, стою в кошмарной пробке на Садовом.

– Сочувствую! Наташа, вы могли бы завтра к половине второго приехать в «Твин Пиггс», знаете, где это?

– Да-да, знаю, конечно!

– Я договорился с Вероникой, она согласилась. Если получится хорошо, это интервью мы где-нибудь опубликуем. В каком-нибудь журнале. А, возможно, и в эфир пустим. Вы

согласны?

- Разумеется. Я буду. Грим нужен?
- Пример будет. У нас свои требования.
- Да, я понимаю.
- Вы успеете подготовиться?
- Именно этим я в пробке и занимаюсь.
- Вы молодчина! Итак, завтра в половине второго.
- Буду!

– Кто это звонил?

– Это по работе.

– Я понял. Но почему ты так покраснелась?

– Просто обрадовалась.

– Чему ты так обрадовалась?

– Завтра беру интервью у Сизовой. Она редко дает интервью. А тут согласилась.

– А что это за вопрос про грим?

– Это интервью хотят снять на камеру.

– Зачем?

– Откуда мне знать?

– А что это за Сизова такая? Что за птица?

– Вероника Сизова, театральная актриса, недавно получила «Золотую маску» и еще какую-то премию, о ней снимают материал для телевидения.

– Для телевидения? А ты здесь с какого боку?

– Не знаю! Меня пригласили, так не отказываться же мне

от такого предложения, согласишься, это было бы глупо!

В душе нарастало глухое раздражение. С чего это такой пристальный интерес к ее делам? Он или что-то чувствует, или... он в чем-то виноват и хочет спровоцировать ссору, чтобы в результате была виновата я. Он опытный адвокат и отлично умеет манипулировать людьми.

Наконец пробка начала рассасываться. Мужу и жене пришлось отложить свои гаджеты.

– Что нового? – спросила Наташа.

– Да ничего особенного. У мамы очередной приступ мигрени и все, что этому сопутствует. У меня через неделю процесс по Митинскому делу. Да, ты помнишь, что завтра к нам придут ребята?

– Ох, совсем забыла! Ладно, я что-нибудь соображу. Артур, а ты не мог бы пойти с ними в ресторан?

– С какой это стати?

– Я же сказала, у меня важное интервью!

– Ничего, ты все успеешь! И потом нельзя создавать такой прецедент! Ведь Колян не сможет приглашать нас в ресторан, это будет неловко.

– Ладно, тогда давай прямо сейчас зарулим в «Ашан», я все куплю и сегодня приготовлю.

– Нет, только не «Ашан»! Там сейчас такая прорва народу!

– Ладно, я завтра с утра смотаюсь на рынок. Хотя могу не успеть приготовить... Хорошо, заедем в «Азбуку вкуса».

– Вот и славно, по крайней мере, вполне цивилизованное место.

– Но там куда дороже, чем в «Ашане».

– Лапочка, ты забыла, что твой муж теперь неплохо зарабатывает?

– Годится!

Приехав домой с покупками, Наташа пообщалась с дочкой, которая уже ложилась спать, а потом пошла на кухню готовить ужин для «ребят». Ребятами назывались друзья Артура, которые раз в месяц непременно собирались у кого-то одного. «Ребят» было трое, Константин, Кирилл и Колян. Колян был военным врачом, Кирилл топ-менеджером в крупной фирме, а Константин модным архитектором. Все они были женаты, но встречались без жен. Наташе нравилась эта дружба мужчин. В ней было что-то настоящее. И мужчины нередко приходили на помощь друг другу, что только подтверждало это ее мнение. Когда у Наташи тяжело заболел отец, Колян помог обследовать его в Красногорском военном госпитале, а когда выяснилось, что результаты обследования весьма неутешительны, он помогал чем мог. А когда отца не стало, Константин бесплатно сделал памятник на его могилу, скромный, но изысканный и стильный, который очень понравился маме. Артур помог младшему брату Кирилла, когда тот ввязался в судебный процесс с бывшей женой, которая намеревалась ободрать его как липку. Ната-

ша считала, что умение дружить хорошо говорит о людях и очень любила «ребят». И готовила для них всегда с удовольствием. Вот и сегодня, хотя все ее мысли были заняты предстоящим интервью, она подготовила начинку для большого мясного пирога, а тесто на сей раз купила готовое, слоеное, оно было ничуть не хуже ее собственного, но Артуру она об этом не скажет. Поставила варить красную фасоль для лобио. На кухню заглянул Артур.

– Помощь не требуется?

– Требуется! Открой мне все эти банки!

– Без проблем!

– А еще вынеси на балкон вот эту кастрюлю и положи бутылки в морозилку!

– Есть! Устала?

– Не очень!

– Да ладно, я же вижу! Ничего, следующая встреча у нас будет только в апреле!

– Это утешает! Да, Артур, я завтра...

– Я помню, у тебя завтра интервью.

– Я с утра буду занята. Отвези Аську в школу.

– Без проблем, отвезу, и заберу, кстати, тоже.

– Вот спасибо!

– У тебя не такой уж плохой муж.

– А я разве когда-нибудь утверждала обратное?

– Бывало, лапочка, бывало!

– Ну, так и я за эти годы кем только ни была – и мерзавкой,

и шлюхой, и...

– Все, хватит! А вообще, пора спать, я соскучился!

И он многозначительно посмотрел на жену.

– Ладно, – засмеялась Наташа, – сейчас душ приму и приду.

У нас все хорошо, даже замечательно, успела подумать она, засыпая.

...Наташа не помнила, когда в последний раз она так нервничала. С чего я расписывалась? Неужто так жажду попасть на телевидение? Да вроде нет... Тогда в чем дело? Ну, допустим, я им не сгожусь, что, моя жизнь в профессии кончится? Нет, конечно. А даже если? Что, муж меня не прокормит? Да и дочке я нужна постоянно, уговаривала она себя по дороге в Останкино. Слава богу, удалось добраться без пробок. Это хороший знак. Войдя в ресторан, она огляделась. Кажется, еще никого нет. Она спросила у официантки, не ждет ли ее кто-нибудь. Нет, пока никого нет. Вот и хорошо. Она заказала себе чашку кофе. Едва отпив глоток, увидела, что в дверях появилась Сизова. На ней было очень элегантное твидовое пальто и вообще она выглядела шикарно. Как-то по-театральному шикарно, отметила про себя Наташа и подошла к актрисе.

– Вероника Валентиновна?

– Я! А вы...

– А я должна взять у вас интервью. Меня зовут Наталья Завьялова.

– Весьма приятно, а что, никого больше не будет?

– Да нет, должен быть еще кто-то, с камерой и...

И тут в ресторан ввалилась группа людей. Девушка с большим чемоданчиком. Визажистка, сообразила Наташа. Молодой человек с видеокамерой, мужчина средних лет тоже с какой-то аппаратурой.

– Дамы, сейчас будем делать лицо! – заявила девушка с чемоданчиком.

– Я ничего с лицом делать не дам! – решительно возразила Вероника Валентиновна.

Девушка окинула ее внимательным взглядом.

– Да вас только попудрить надо будет. А вы, женщина, уж потерпите! – обратилась она к Наташе.

– Я потерплю, – улыбнулась та. – Но не тут же нам этим заниматься...

– Большое дело! Пусть люди смотрят.

– Нет, я не хочу, я сейчас что-нибудь придумаю.

Наташа поговорила с официанткой и их пустили в зал, который сейчас не обслуживался.

– А кстати тут и снимать лучше, – заметила Сизова.

– Пожалуй, – согласился оператор.

Девушка, которую звали Роза, минут пятнадцать колдовала над Наташиным лицом.

– Черт возьми, а ты мастер! – сказала Сизова. – Только знаешь, вот тут лучше чуточку растушевать.

– Я и собиралась, я ведь еще не закончила.

– Хочешь сказать – целому дураку полработы не показывают?

– Заметьте, не я это сказала! Ну вот, готово! – и она протянула Наташе зеркало.

– Ох! Ничего себе! – воскликнула та. – Здорово!

– Ты красивая, зараза! – сказала Сизова. И посмотрела на часы. – Давайте работать, у меня сегодня спектакль. На сколько твое интервью рассчитано?

– На час.

– А формат какой?

– Пятьдесят две минуты, – ответил оператор.

– Поехали!

Это было не интервью, а поединок. Поначалу Сизова отвечала на довольно обычные вопросы, и вдруг Наташа стала спрашивать ее о том, чего она никак не ожидала. Она сначала удивилась, потом рассердилась, потом сменила гнев на милость, потом еще больше удивилась, и все ее эмоции отражались у нее на лице, они захлестнули ее настолько, что она уже с ними не справлялась. Наташа так умело выстроила разговор, что приятные вопросы перемежались неприятными, а потом Наташа приводила весьма лестные отзывы об артистке знаменитых театральных деятелей Европы, и ее актерская душа опять таяла. Оператор, визажистка и администратор только диву давались. Закончила Наташа словами:

– Не зря меня предупреждали, что с гениальными артист-

ками всегда непросто. Мне и было непросто. Спасибо вам огромное, Вероника Валентиновна.

– Обалдеть! – проговорила артистка. – Да ты меня наизнанку вывернула. Я много лишнего наболтала. Надо вырезать. Впрочем, я поговорю с Глебом! Всего доброго, я спешу!

– Здорово вы ее, – с улыбкой заметил оператор. – Трудный кадр?

– Не то слово! Я как выжатый лимон.

– Это было так интересно, – сказала Роза. – Хотите, я сниму грим?

– Нет, спасибо, это надо показать мужу! – улыбнулась Наташа.

Артур и Аська были уже дома.

– Ой, мама, какая ты красивая!

– В самом деле, лапочка, выглядишь ослепительно! Это грим?

– Нет, просто я вдруг странным образом похорошела, видимо, после прошлой ночи, – прибавила она едва слышно.

Артур довольно рассмеялся.

Обычно в день, когда приходили «ребята», Наташа брала дочку и ехала ночевать к подруге, у которой тоже была дочка, ровесница Аськи, и девчонки обожали эти визиты, как, впрочем, и мамы.

– Мам, а мы сегодня поедem к тете Лоре?

– Конечно!

– А папа тут будет с друзьями бедокурить?

– Как ты сказала? – покотился со смеху Артур. – Здорово!

Да, Асюта, папа будет бедокурить!

Увидев реакцию отца, девочка проговорила с лукавой улыбкой:

– Артур-бедокур!

Он чуть не задушил дочь в объятиях от восторга.

– Вот ребята порадуются! Да, Натуля, а как интервью прошло?

– Непросто!

– Устала?

– Есть немножко.

– А где его будут показывать?

– Ну, если будут, то на канале Супер.

– А тебе диск не дали?

– Пока нет, но обещали.

– А ты что такая напряженная?

– Да нет, тебе показалось.

Наташа накрыла стол, дала мужу все указания. Потом пошла в ванную и с великим сожалением смыла грим. Если дело выгорит, надо будет завести собственный грим, подумала она и тут же себя одернула. Что за бред? Кто это будет на меня программу на телевидении делать? С ума я сошла, что ли? Я им не подойду, я для них никто. У меня морда не медийная. Да не больно-то и хотелось.

В машине Аська спросила:

– Мама, а почему мы всегда уезжаем, когда к папе эти гости приходят? Вот они же приходят, например, на его день рождения вместе с другими гостями...

– Видишь ли, Аська, мужчинам иногда надо побыть вместе без женщин, им это полезно.

– А нам, женщинам, тоже надо побыть иногда без мужчин?

– А как же! Обязательно!

– Мы поэтому к тете Лоре ездим? Потому что там нет мужчин?

– Именно!

– А торт будем покупать?

– А как же!

...Девчонки с визгом кинулись друг дружке в объятия и убежали в комнату Люськи делиться секретами.

– Наташ, ты чего такая бледная?

– Да день тяжелый был.

– А что, обязательно надо выметаться с ребенком из дому?

Просто в другой комнате побыть нельзя?

– Лор, ну зачем? Пусть уж побудут одни, а то начнут меня звать, а это ни мне, ни им не надо. У меня, Лор, такая история случилась в Питере...

– История? Как интересно! Рассказывай!

Наташа рассказала.

– И он прямо с ходу тебе пробу устроил?

– Да.

– Очень подозрительно, подруга!

– Что подозрительно?

– Он же явно на тебя глаз положил.

– Да ладно, – поморщилась Наташа.

– А вообще-то он прав, тебе давно пора на телевидение.

Таких там мало. Ох, как я буду гордиться!

– С ума сошла? Чем ты собираешься гордиться?

– Тобой! Люди будут обсуждать твои программы, а заодно и тебя, и твою личную жизнь, а я как бы между прочим заявлю: «Это все чепуха, уж я-то знаю, она моя лучшая подруга».

Женщины расхохотались.

– Короче, Наталья, если все выгорит, этот Кузьмин может запросить гонорар.

– Какой гонорар?

– Не будь душой!

– Перетопчется! Для таких, как он, самое важное – рейтинг, так что если рейтинг будет высокий, он перетопчется как миленький.

– А он хоть интересный?

– Вполне.

– А сколько лет?

– Сорок восемь. Жена и двое детей. Жена первая и единственная.

– Все разузнала?

– Нет. Я и раньше все это знала. Мне хотели поручить с ним интервью, но что-то тогда не срослось.

– А Сизова, значит, тебе не понравилась?

– Скорее нет, чем да. Она все время что-то играет и прежде всего играет себя. Мне все-таки удалось несколько раз порушить эту игру и пробиться к ней настоящей. А там такие комплексы, такая неуверенность, что мне даже жутко сделалось и жалко ее...

– Ни фиги себе! А она ведь очень хорошая актриса.

– Верно! Но самая лучшая ее роль это вовсе не леди Макбет, а Вероника Сизова.

– Как интересно! А она не возненавидит тебя?

– Откуда я знаю?

Девчонки давно уже спали, а Наташа с Лорой все еще сидели на кухне.

– Скажи, Наташ, а тебе не обидно, что раз в квартал тебе приходится выметаться из дома?

– Да ни капельки! Пусть! Я же знаю этих ребят, они все хорошие люди, пусть посидят, выпьют в мужской компании, потешат свое мужское самолюбие, обсудят свои дела, а потом целый месяц живут спокойно...

– Вот интересно, а другие жены такие же терпимые?

– Нет, жена Кирилла каждый раз скандалит, когда надо освободить территорию. Но он на нее особенно внимания не обращает. А остальные, вроде бы, терпят спокойно. Они все еще в школе поклялись друг дружке, что предупредят своих невест об этих встречах. Это ведь в свое время, еще

в старших классах, придумал отец Артура, он считал, что для мальчишек это очень важно. И традиция привилась. По крайней мере, все четверо счастливо избежали всяких криминальных соблазнов. Им всегда интересно друг с другом.

– Да? Здорово! Ты раньше не говорила про это... Ой, Наташка, это твой телефон!

– Ох, да! Но где он?

– Да ты его из сумки не вынимала!

Наташа так спешила ответить, что даже не глянула на дисплей.

– Алло, Наташа? Я вас не разбудил?

– Глеб Витальевич? – у нее сердце подскочило к горлу. – Нет-нет, я не сплю.

– Наташа, поздравляю, вы настоящий мастер!

– Вы о чем, Глеб Витальевич? – не поняла она.

– Я посмотрел запись интервью... Блестящая работа!

– Спасибо, я не...

– Наташа, вы сможете завтра часам к пяти приехать в мой офис?

– Да, разумеется.

– Тогда записывайте адрес, я предупрежу секретаря.

– Хорошо, буду!

– Спокойной ночи, Наташа!

– Да, спасибо...

– Что, Наташка, что? Это он звонил, Кузьмин?

– Да. Он.

– Значит, выгорело? Значит, будет у тебя своя программа?

Ура!

– Да погоди ты... Про это он ничего не сказал.

– А что, что он сказал?

– Сказал, что я настоящий мастер, и просил приехать к пяти к нему в офис.

– Ну, это же ясно как божий день!

– Не знаю... Мне пока ничего не ясно.

– Тебя можно понять, – засмеялась Лора. – Обалдела от радости.

– Понимаешь, я пока никакой радости не ощущаю. Меня как будто пыльным мешком по голове огрели.

– А давай шампусику дернем, у меня есть хорошее, Аб-рау-Дюрсо.

– Нет, Лорка, рано...

– Ну, может, ты и права. Только пообещай мне, что как только ты завтра от него выйдешь... Постой, но завтра же суббота. Они что, в субботу тоже вкальвают?

– Ну, наверное.

– Слушай, а как-то все странно... Что значит приезжайте в офис? А офис у него что, не на студии?

– Похоже на то.

– Так, может, он просто тебя потрахаться позвал?

– Ты ненормальная! Он сказал, что предупредит секретаря, и вообще дурь какая-то. Думаю, он прекрасно понимает, что я не из тех.

– А ты точно не из тех?

– Что за наезды, Лорка? – засмеялась Наташа.

– Шучу я!

– Ладно, надо, наверное, спать ложиться.

– И ты заснешь?

– Конечно, нет.

– А Артуру не хочешь позвонить?

– А я пока ему ничего не говорила. То есть я сказала, что брала интервью у Сизовой, но...

– Интересно, почему?

– Потому что боялась, что если ничего не выйдет, он мне долго будет это припоминать.

– А теперь он будет припоминать тебе, что ты от него скрыла...

– Нет. Я сумею все обставить так, будто все это для меня совершенно неожиданно. Скажу, что Сизова показала интервью своему двоюродному брату, а уж он пригласил меня для разговора. Малюсенькая, вполне невинная ложь во спасение.

– В общем и целом да, вполне невинная ложь во спасение. Ты жутко умная баба, Наташка! Двенадцать лет живешь с мужем, и все у вас неплохо. А ты не в курсе, он тебе не изменяет?

– Может, и изменяет, но я пока об этом ничего не знаю и меня это устраивает.

– Да, такая жена – чистое сокровище. От таких не уходят.

А я дура душой...

– Ничего, Лорка, будет и на твоей улице праздник. Ты красивая, талантливая...

– Но я очень ревнивая, это моя беда. Но сейчас не обо мне речь. А ты отдаешь себе отчет в том, что такая работа потребует уйму сил и, главное, времени. Тебе некогда будет заниматься мужем, домом, дай бог на ребенка время останется.

– Лор, я же пока ничего не знаю!

– Чего ты не знаешь?

– Например, с какой периодичностью будет выходить программа. Если раз в неделю, это вообще чепуха.

– А если каждый день?

– Ну, это вряд ли... И потом, такие программы снимают обычно блоками. Ничего, справлюсь. А нет, найду домработницу. Артур сейчас недурно зарабатывает, да и мне же будут что-то платить. Знаешь, мне такой грим сделали... Мечта! Такая девочка-визажистка, чудо!

– А шмотки?

– Что шмотки?

– Шмотки твои будут?

– Вряд ли. Обычно ведущих одевает какая-то фирма.

– Ох, Наташка... Как все интересно! А я вот все думаю, как к этому Артур отнесется? Ему это может не понравиться.

– Ну, это его проблемы!

– И уж точно это не понравится его маме!

– А вот тут я не уверена! Ей как раз может понравиться

обсуждать с подружками все мои промахи. Такая плодородная почва для пересудов!

– Вообще-то да, – фыркнула Лора. – Как бы там ни было, а у тебя начинается новая страница в жизни.

– О да! С этим не поспоришь!

Дома Наташа застала полный порядок. Артур, уже одетый и свежесбрившийся, встретил жену и дочь радостной улыбкой.

– Ты куда-то собрался? – удивилась Наташа.

– Да, у меня сегодня встречи с двумя клиентами, дома обедать не буду.

– Артур, но у меня сегодня в пять встреча. Я думала, ты побудешь с Аськой.

– Мама, я могу и одна. Я уже не маленькая.

– А что за встреча?

– Меня пригласил к себе Кузьмин. Он видел мое интервью с Сизовой и хочет поговорить.

– Да? И о чем это?

– Вот встречусь с ним, тогда и расскажу. А пока не знаю.

– Ладно, я постараюсь к полпятого вернуться. В крайнем случае, Аська часик побудет одна. Она и впрямь уже взрослая сознательная девица. Правда, Аська, ты же не станешь тут бедокурить?

– А это зависит от того, насколько во мне сильны твои гены.

– Нет, ты видала эту прохиндейку! – захохотал Артур,

схватил дочь в объятия и слегка подбросил. – Кстати, Аська, ребята сказали, что я вовсе не бедокур, а наоборот, примерный семьянин и вообще... Все, девчонки, я побежал! Ненавижу опаздывать!

И он умчался.

– Мама, а вы вообще-то обещали мне сегодня на каток поехать!

– Давай на завтра отложим, а?

– Ну ладно.

– А хочешь, бабушке позвоним? Может, с ней куда-нибудь сходите?

– На каток? – ехидно прищурилась Ася.

– Нет, зачем же, – невозмутимо ответила Наташа. – Может, в дельфинарий или еще куда-то.

– Нет, мам, не стоит. Я лучше одна посижу. Мне папа на днях принес кино про Тома Сойера и Гекльберри Финна.

– Отлично! Чудный фильм!

– Мам, а что, это такая важная встреча у тебя?

– Да, важная. Ты почему спросила?

– Мам, сейчас двенадцать. Тебе на встречу только к пяти.

А ты...

– Мне просто нужно кое-что сделать, потом привести себя в порядок и выйти пораньше, чтобы не опоздать...

– То есть тебе не до меня будет, так?

– Дурочка, мне всегда до тебя, но бывают обстоятельства...

– Ладно, мам, не парься.

Но тут как раз позвонила соседка с шестого этажа, мама Асиного одноклассника, и сказала, что едет с сыном на каток и не хочет ли Ася поехать с ними.

Квартиру огласило такое громкое «ура», что Наташа закрыла руками уши.

– Вот видишь, все складывается как нельзя лучше.

Аська судорожно переодевалась, а Наташа собирала ей сумку.

Вскоре за Асей зашел Антошка.

– Тетя Наташа, мама пошла машину греть и велела спросить у вас, можно будет Асе пойти потом с нами в кафе?

– Да, можно, конечно! Спасибо, передай маме...

– Антон, пошли, я готова!

Наташа сочла это хорошим знаком. И отправила эсэмэску мужу, чтобы не спешил и не волновался. Она по опыту знала, что раньше часов семи Аська домой не попадет. А мама Антона женщина надежная как скала.

Глеб Витальевич поймал себя на том, что здорово волнуется перед встречей с Натальей Завьяловой. Может, я слишком поторопился? Ну ничего, сделаем еще пробу, уже в студии. И надо попробовать, сможет ли она работать без предварительной подготовки. Ситуации бывают разные. Одно дело вести разговор с человеком, которого ты знаешь, о котором успел прочитать хоть что-то... А впрочем, к чему?

Программа все равно пойдет в записи, зачем предвидеть какие-то форс-мажорные обстоятельства? Ну, не явится кто-то на интервью, большое дело. Все равно будем снимать по четыре программы в день, так, чтобы был задел хотя бы на месяц вперед. Работа, конечно, адова, но никто тут нирваны не обещает. Телевидение это и есть адова работа. Но она мастер, эта Наташа. Как она сумела буквально наизнанку вывернуть Веронику! Это дорогого стоит. А Вероника, с одной стороны, разозлилась, а с другой... Позвонила мне и сказала: «Глебка, пообещай мне, что эта твоя Наташа сделает интервью с Бакуниной и выжмет ее как половую тряпку, чтобы все увидели, какое это дерьмо!» Он пообещал со смехом, а потом подумал, что, пожалуй, это может быть интересно. Бакунина действительно редкая дрянь, но пользуется большой популярностью. Так что если все срастется, то почему бы и нет?

Она должна явиться к пяти. В четыре он уже не находил себе места. И хотя дел было по горло, но в голове гвоздем сидела мысль: а вдруг она мне сегодня не понравится? И хорошо бы не понравилась... То есть как журналист она мне уже понравилась, да что там, просто восхитила, у нее прирожденный талант интервьюера. Но как женщина... Мне так хотелось бы в ней разочароваться, с тоской подумал он. Черта с два, Глеб Витальич, ты уже в нее по уши влюбился. А как же твой принцип – на работе никаких шашней? Да какие там шашни, о чем ты? Служебный роман? Какой к чертовой ба-

бушке роман? Ей тридцать два, мне сорок восемь... Ее мужу тридцать пять, молодой, красивый, достаточно успешный мужик. Причем тут ты? Я знаю, многие продюсеры пользуются служебным положением, еще как пользуются, но я считаю это пакостью – пользоваться служебным положением. Такой вариант исключается категорически, не говоря уж о том, что это в любой момент может стать достоянием гласности. То есть ты, старый дурак, допускаешь возможность того, что рискнешь воспользоваться своим положением? Бред! Это она виновата, что меня посещают такие глупые мысли...

– Глеб Витальевич, что с вами? – спросила помощница Люба. – Вам нехорошо?

– Ничего, просто голова что-то побаливает. Надо форточку открыть...

– Сидите, я сама! Может, отменить встречу?

– Нет, ни в коем случае! Это очень важно... Только знаешь, я хочу, чтобы ты присутствовала. А то я могу что-то забыть, не учсть...

– Хорошо, Глеб Витальевич.

Он мысленно поздравил себя с такой хорошей идеей. Люба была не секретарем, а правой рукой шефа. В прошлом году она овдовела и теперь целиком погрузилась в работу, которой была и раньше предана беззаветно. Она знала, что шеф иногда бывает рассеянным и тогда полагается на нее. И она еще ни разу его не подвела.

Секретарша Жанна сообщила, что пришла госпожа Завья-

лова.

– Она пунктуальна, уже хорошо, – негромко заметила Люба.

Глеб Витальевич поднялся ей навстречу. Она была одета скромно, но очень элегантно и уместно. Черный брючный костюм с клетчатой отделкой. Слегка подкрашена, однако видно было, что она бледна от волнения.

– Наташа, рад вас видеть здесь! – Он поцеловал ей руку. – Садитесь. Это моя помощница Любочка, моя правая рука, прошу любить и жаловать. Чай, кофе?

– Если можно, воды.

– Жанна, будь добра, воды. Ну что ж, Наташа, приступим. Я посмотрел запись, как вы уже знаете, и я очень доволен. Очень! Я давно собирался сделать такую программу у нас на канале, но не мог найти достойного интервьюера, мне хотелось, чтобы это было новое лицо, не раскрученное еще. И вот ваша проба показала мне, что я это лицо уже нашел. Короче, я предлагаю вам вести эту программу. Хотелось бы выпустить ее в начале февраля. Программа должна выходить четыре дня в неделю. Час эфирного времени. Пока не в прайм-тайм, а там посмотрим. Приглашать будем разных людей, но, разумеется, тех, кто интересен и уже известен аудитории. Это должен быть разговор для всех, а не для высоколобых. И еще... хотелось бы, чтобы вы отмели принцип интервьюера – не выказывать своего отношения. На мой взгляд, это неинтересно. И никакой политики, разумеется. Это я так, между

прочим. Да, если, предположим, вам не нравится ваш гость, вы можете, собственно, этого не скрывать. Конечно, не демонстрировать, не хамить, но... не скрывать. То есть, быть самой собой. И, если наоборот, гость вам по душе, этого тоже скрывать не нужно. Вы должны быть максимально естественны. Я понятно излагаю?

– Более чем!

– Скажите, вам это интересно? Вы бы хотели вести такую программу?

– О да! – еле слышно проговорила Наташа.

– Справитесь?

– Мне сложно ответить... Я никогда ничего такого... то есть я...

– Понятно, что вам еще не доводилось работать на телевидении, – улыбнулся Кузьмин, – но не боги горшки обжигают. Мне очень, просто очень понравилось интервью с Вероникой. Блестящая работа!

– Но госпожа Сизова, по-моему, осталась недовольна...

– Вот тут вы ошибаетесь! Она позвонила мне и потребовала, чтобы вы непременно сделали интервью с Бакуниной.

– Почему? – растерялась Наташа.

– Потому что Вероника ее ненавидит! И не без взаимности.

– О!

– К тому же вы роскошно смотрите на экране. Ну так что, согласны?

– Да. Конечно. Спасибо за доверие.

– И вы не спрашиваете, сколько мы будем вам платить?

– Ну, я пока не имею права чего-то хотеть. Я еще никто.

Сколько сочтете нужным.

– Хорошо, – улыбнулся он. – Заоблачных гонораров не обещаю, но достойную сумму дадим. С перспективой роста.

Любаша, составь проект договора и отправь по электронной почте. Все рабочие вопросы можно согласовывать с Любочкой. Но надо еще снять пилотную программу в студии, допустим, через неделю. В феврале мы выпускаем новый сериал, и я хочу, чтобы вы взяли интервью у героя и героини. Ее играет Маша Чичерова, а его Павел Хромов.

– Я Чичерову не знаю совсем.

– Вот и займитесь, подготовьтесь сами. Если справитесь, а я убежден, что справитесь, программа с гарантией пойдет в эфир. Тогда договор и подпишем. Согласны?

– Да.

– Вот и чудесно. Тогда в следующую пятницу...

– Глеб Витальевич, – обратилась к нему Люба. – В какой декорации снимать-то будем? Ведь, если получится, нам это надо будет потом в эфир пускать?

– Как всегда права! Скажите, Наташа, как вам бы хотелось – с публикой или без?

– А название есть?

– Предположительно, «С глазу на глаз».

– Ну, тогда лучше без публики... Глеб Витальевич, про-

стите, может быть с моей стороны это наглость, но после нашего разговора в Питере я все время невольно думала о программе, а после интервью с госпожой Сизовой я вот что подумала, а что если снимать программу в разных кафе и ресторанах, чтобы владельцы... ну...

– Чтобы владельцы были частично спонсорами?

– Ну да. И картинка будет разной и разговор за чашкой кофе пойдет лучше...

– Молодчина! – хлопнул в ладоши Кузьмин. – Новое – это хорошо забытое старое!

– А здорово, Глеб Витальич! – заметила Люба. – Правда, мороки с владельцами может быть много...

– У меня есть приятель, он известный ресторанный критик, он поможет, и потом можно, допустим, после интервью делать фото знаменитости на память и оставлять в кафе, а они уж смогут им распорядиться.

– Супер! – хлопнула в ладоши Люба.

– Ты видишь, какой ценный кадр я нашел, кстати, в кафе. Все бы приходили к нам со своими бизнес-идеями, да еще такими простыми и доступными! – ликовал Кузьмин. – Люба, свяжись с Чичеровой и Хромовым, пусть готовятся.

– А если кто-то из них не сможет в пятницу?

– Значит, снимем в субботу. Уладь все, как ты умеешь!

– Улажу! – вздохнула Люба. – Я пойду?

– Иди! Ну что, Наташа? По рукам?

– По рукам! – улыбнулась она.

– Ваш брат был прав – улыбка у вас и вправду неотразимая. И на экране тоже! Ну, пора и по домам. Вас подвезти?

– Нет, спасибо, я на машине.

– К дочке спешите?

Наташа глянула на часы. Половина восьмого.

– Да, она уже наверное вернулась.

– Откуда, если не секрет?

– С катка. Обожает коньки.

– Хорошее дело.

Он вместе с нею вышел из кабинета, подал шубку, поцеловал руку.

– До встречи, Наташа!

– Спасибо, Глеб Витальевич, это такой шанс...

Она села за руль и поняла, что вряд ли сможет вести машину. Надо подождать, успокоиться. Позвонила домой. Трубку снял Артур.

– Ты где, блудная мамаша?

– Я только что освободилась. Скоро буду. Аська дома?

– Да! Счастливая и румяная. Мы играем в шашки! А как твои переговоры?

– Приеду, расскажу!

– У тебя ликующий голос.

– У нас есть шампанское?

– Даже так? Сейчас посмотрю. Есть!

– Все. Еду!

Разговор с мужем успокоил ее. Дома все хорошо. Господи, неужели я буду работать на телевидении и у меня будет своя программа? Я ведь никогда даже не мечтала ни о чем подобном. Вот зависти будет... Ох, я же обещала позвонить Лорке.

– Алло, Лор, это я...

– Ну что?

– Предложили вести программу.

– Надеюсь, ты согласилась?

– Конечно.

– Супер! Артур уже знает?

– Нет еще.

– Интересно, как он отреагирует.

– Думаю, обрадуется.

– А я так не думаю. Ты станешь знаменитостью, а ему не понравится быть мужем знаменитости.

– Да ерунда!

– А спорим?

– На что?

– На бутылку бейлиса!

– Идет! – засмеялась Наташа. – Ну все, еду домой!

Глеб Витальевич задержался в офисе. Просто не мог сейчас ехать домой. Хотел позвонить своему другу и партнеру, рассказать о новом проекте, но тут же вспомнил, что Иван уехал в Австрию с любовницей и ему сейчас будет не до меня

с моими проектами. Хорошо ему, он легкий человек. И многочисленные интрижки никогда не оборачиваются для него какими-то особыми сложностями. Я так не умею. В отличие от Ивана я совершенно не влюбчив. А тут накрыло... И что теперь делать? Ни-че-го! Просто пережить, как вирусную инфекцию. Рано или поздно пройдет. У меня хороший иммунитет. К тому же ответного импульса я не почувствовал. А она, мало того, что хороша невероятно, она еще и умна и зверски обаятельна. А какие у нее красивые руки. Пальцы длинные, тонкие. Интересно знать, ее муж хоть отдает себе отчет в том, какое сокровище ему досталось? Вот сейчас она приедет домой, расскажет мужу о новой работе, они порадуются, возможно, выпьют на радостях, а потом лягут в постель... И будут заниматься любовью... Но вряд ли с особой страстью, ведь они давно женаты... Он закрыл глаза и представил себе, как может измениться ее лицо в момент близости. И даже застонал. Ударил кулаком по столу, так что подскочил и опрокинулся стакан с карандашами. Идиот! Возьми себя в руки! Тоже мне Отелло! Что-что, а брать себя в руки он умел. Позвонил жене и сказал, что сегодня будет ночевать в городе, ему завтра надо рано быть на студии. Жена с сыном живут за городом. И каждое утро ни свет ни заря мальчишку возят в ЦМШ. Но жена считает, что жизнь на свежем воздухе того стоит. Сам Глеб Витальевич так не считал, парнишка явно недосыпает, но спорить с женой не считал нужным, тем более что сын ценил возможность сидеть за роялем в любое

время, не оглядываясь на соседей. Командовать в доме Кузьмин не любил. С него хватало и канала. Тут он, по крайней мере, точно понимал, что и зачем делает. Хотя сейчас ему вдруг показалось, что он идет по болоту. Один неверный шаг и его засосет трясина. Но кроме забытого упоительного ощущения влюбленности, его трясло от предчувствия профессиональной удачи. Он еще никогда не влюблялся в женщин из своей профессиональной среды. Как-то не волновали они его... Ну так ведь и Наташа еще не из этой среды. А может, когда она станет его подчиненной и вольется в эту среду, у меня все пройдет? Скорее всего, так и будет. Потом я еще не вижу в ней никаких недостатков, а со временем кто знает... Он успокоился и поехал домой, благо недалеко.

Когда Наташа добралась до дому, выяснилось, что Аська уже заснула.

– Она так умаялась на катке...

– Она поела?

– Только яблоко съела. Они же еще в кафе ходили. Ну, что там у тебя?

– Ох, Артур, меня пригласили вести программу на канале «Супер»!

– Какую программу?

– «С глазу на глаз». Я буду брать интервью у разных знаменитостей!

– Ты согласилась?

– Артур, о чем ты спрашиваешь? Конечно, согласилась!

– А с мужем посоветоваться не надо?

– О чем тут советоваться? Такой шанс бывает раз в жизни!

– Но ты вроде бы никогда не стремилась стать медийным лицом!

– Да, потому что я реалистка и прекрасно понимала, что пробиться туда очень сложно, но тут такой случай, не отказываться же мне!

– А о ребенке ты забыла?

– Почему? Артур, я не пойму, ты что, недоволен? А я думала, ты за меня порадуешься!

– Извини, не оправдал твоих ожиданий! Неужто так охота светиться на экране?

– Да как ты не понимаешь? Это же безумно интересно! Разные люди... Разные настроения... Собственно это то, ради чего я подалась в журналистику. Просто это будет еще и на телевидении. Кстати, не факт, что программа будет пользоваться успехом. Если рейтинги будут плохие, ее закроют, как нечего делать.

– И ты впадешь в депрессию! Очень умно!

– Нет, в депрессию я точно не впаду, просто буду заниматься тем, чем раньше. Только и всего.

– Наивно! Телевидение это отравка! Наркотик!

– Далеко не для всех. А, между прочим, мне там обещают неплохо платить. Что тоже не помешает. Но придется найти домработницу. Я вряд ли буду справляться с хозяйством.

– Это понятно, но...

– На оплату домработницы моих денег хватит и еще останется.

– И что, ты уже подписала договор?

– Нет, конечно. Надо будет еще снять пилот.

– То есть это еще не окончательно? Все еще может не состояться?

– Может. А тебе бы хотелось, чтобы это не состоялось?

– Если честно, то да.

– Ну знаешь! – смертельно обиделась Наташа. – Я думала ты... А ведь меня предупреждали!

– Кто и о чем тебя предупреждал, хотелось бы знать?

– Неважно! Это тебя уже не касается!

– Что значит – уже не касается?

– Это значит... это значит... – Наташа чувствовала как к горлу подступает комок и глаза наливаются слезами.

Артур понял, что перегнул палку. Подошел, обнял.

– Наташка, не глупи! Ты еще даже договор не подписала, а мы уже ссоримся! Неужели телевидение стоит того, чтобы разрушать семью? Это же глупо! Ты сама знаешь прекрасно, что у телезвезд женского пола, как правило, не складывается семейная жизнь. Или разрушается... Тебе это надо?

– Ничего не разрушается, когда люди с уважением относятся друг к другу. Ты всегда относился к моей работе как к прихоти, необременительной прихоти!

– Неправда! Я всегда читал твои статьи, что-то советовал

и вообще, но...

– Тогда попробуй отнестись с уважением и к моей новой работе. Не волнуйся, я тебя не опозорю. Пусти меня, я не хочу...

– Дуреха ты, Наташка, ну охота тебе в это болото, ради бога! Но не забывай, что ты прежде всего мать!

– Но я не мать-одиночка! У моей дочери есть отец и бабушка, как-нибудь... Кроме того, съемки будут не каждый день, и на дочь у меня всегда найдется время!

– Ну и прекрасно. Делай что хочешь! – раздраженно отмахнулся Артур.

Часть вторая

Идея снимать программу в кафе провалилась. Это оказалось нерентабельно и слишком утомительно для группы.

К концу съемочного дня Наташа чувствовала себя как выжатый лимон. Сил не было ни на что. Четыре интервью в день и все с полным напряжением, нельзя расслабиться ни на секунду. Хорошо еще, что последней была знаменитая питерская балерина, красивая и умная женщина, с хорошим чувством юмора. Говорить с ней было легко и приятно. К тому же Наташа не раз видела ее на сцене, искренне восхищалась ее талантом.

– Спасибо, Ариадна! – сказала ей Наташа, когда выключились камеры и балерина собралась уходить.

– Это вам спасибо, мне кажется, это было лучшее интервью в моей жизни. Обычно задают какие-то стереотипные вопросы, а у вас так много неожиданного. Получается живой разговор, и вам я смогла сказать то, чего никогда не сказала бы другому интервьюеру. Я ведь отказывалась сначала, а потом мне показали вашу беседу с Сизовой и я восхитилась. Скажите, а когда будет эфир?

– О, этого я еще не знаю. Но вам непременно сообщат! Они простились как добрые знакомые.

– Что, Натулька, выдохлась? – спросил режиссер.

– Просто мертвая...

Наташа медленно направилась в гримерную, снять грим. Ей казалось, что он какой-то тяжелый...

– Садись, красавица, – сказал гример Левочка. – Знаешь, лапуля, я всегда смотрю твои съемки. Мне интересно. Ты умеешь из людей такое вытащить...

– Спасибо, Левочка, скажи, почему мне к концу дня кажется, что грим давит?

– А ты как думала? К вечеру какой слой у тебя на коже?

– А может, надо после каждой съемки снимать? А потом заново накладывать?

– Да нет, грим хороший, дорогуший, Кузьмин для тебя на самый лучший расщедрился...

– Кузьмин? Он вникает в такие вещи? – искренне поразились Наташа.

– А то!

Наташа не видела Кузьмина уже месяца три. Раза два он звонил ей, говорил приятные вещи – что он очень доволен, что у программы рейтинги растут, что многие медийные лица сами звонят ему и просят, а кое-кто даже требует, чтобы их пригласили на программу.

– Лапуля, ты за рулем?

– Нет. Я после четвертой съемки не могу вести машину. Меня отвозят.

– Ну, вот и готово. Ты только на ночь крем не клади. Пусть кожа отдохнет, а утром масочку, и будешь как новая.

– Спасибо, Левочка.

– Наташа, вы еще здесь? – влетела в гримерку Люба, помощница Кузьмина. – Наташа, у нас в следующие выходные выезд на природу.

– Куда? Зачем?

– Ну так канализация же!

– Что? – не поняла Наташа.

– Да это хохма такая, Петровых придумал. Канал приглашает своих региональных партнеров на совещание, так называемый съезд станций, два с половиной дня работаем, потом тусовка. Все обставляется очень роскошно, собираются все спонсоры...

– А можно мне не приезжать?

– Ни под каким видом! Вы сейчас одна из главных наших фишек. Короче, Глеб Витальевич наказал, чтобы вы были всенепременно. Будет презентация новых проектов, вручение профессиональных призов...

– А я там зачем?

– А вы и другие лица канала как крем на тортике. Выезжаем в четверг вечером. Нужно вечернее платье.

– Господи помилуй! А у меня же в пятницу съемочный день. Я, если так уж необходимо, приеду в субботу утром.

– Хорошо. Я записываю.

– Наташа, машина ждет! – крикнул кто-то.

– Уже иду.

Завтра полдня буду спать. Она знала, что после съемочного дня заснуть ей удастся только уже под утро. Она будет про-

кручивать в голове весь день, все четыре встречи, терзаться сомнениями – не зря ли я задала тому-то тот-то вопрос, не надо ли вырезать неловкую оговорку гостя. Она всегда присутствовала на монтаже программ. И нередко вступала в жестокый спор с режиссером. Поначалу он сердился, ворчал, но она сумела убедить его в необходимости ее присутствия.

– Ты пойми, в этой его неловкости виновата я, так почему он должен расплачиваться за мою невольную бестактность?

– Что ты все берешь на себя? И потом, смотреть программу с такими вот живыми вкраплениями будет интереснее!

Иногда она соглашалась с режиссером, иногда он с ней, и в результате они нашли общий язык.

– Но вообще-то, Наталья, ты для телевидения слишком порядочная. Ничего, пройдет!

– Ты хочешь сказать, что я стану непорядочной?

– Ну, не то чтобы непорядочной... Но обнаглеешь, обозлишься, цинизму наберешься.

– Хорошо, что предупредил, Вовик! Буду следить за собой!

Дома у Наташи все как будто устаканилось. Артур даже как-то сказал:

– А знаешь, о твоей программе много говорят...

– Кто говорит?

– Да многие. Практически куда ни придешь, везде девушки обсуждают ее и тебя заодно. Как ты была одета, как при-

чесана, какие на тебе были цапки...

– Тебе это неприятно?

– Да нет, скорее наоборот. Я тобой горжусь.

– Ну вот, а я из-за тебя проиграла бутылку бейлиса.

– Разумеется, Лорке? Это она любительница бейлиса. И она меня не любит.

Но больше всех гордился Наташей ее брат. Поскольку в час выхода программы он всегда был на работе, то все программы записывал и с пристрастием смотрел в свободное время. А потом обязательно звонил сестре:

– Наташка, ты такая молодчина, я так тобой горжусь!

В квартире было тихо. Аська уже спала. Наташа заглянула в спальню. Мужа не было. Но не мог же он уйти, оставив Аську одну в квартире? Она обнаружила его в гостиной. Он спал на диване, положив на живот какой-то журнал. Вот и хорошо. Все спят. Она не стала будить мужа, знала, что он скоро сам проснется. Видно, тоже вымотался за неделю. Она на цыпочках и со спокойным сердцем отправилась на кухню. После тяжелого съемочного дня ужасно хотелось есть. Она налила себе тарелку грибного супа и сунула в микроволновку, почему-то после съемочного дня она ела именно суп, который в обычные дни не ела почти никогда. Вот такие причуды измученного организма.

В дверях появился заспанный муж.

– Щи хлебаешь?

– Не совсем щи. Но хлебаю. Очень вкусно.

– Ты вообще хорошо готовишь и слава богу еще успеваешь это делать.

– Артур, не ворчи.

– Устала?

– Как всегда.

– Кто у тебя сегодня был?

– Никита Порываев, Игумнова, Мещеряков и Ариадна

Потоцкая.

– А Мещеряков это кто?

– Киноактер. Николай Мещеряков.

– Не знаю такого.

– Ничего не потерял. Красивый болван.

– Зачем звала?

– Это не я. Он снялся в новом сериале нашего канала.

– Ты выставила его на посмешище?

– Да нет, не та фигура.

– Наташ, тебе еще не надоело?

– С ума сошел! Мне так интересно! Да, кстати, в следующую субботу и воскресенье меня не будет.

– А что такое?

– Меня сливают в канализацию, – хмыкнула Наташа.

– Что это значит? – недовольно осведомился Артур.

Наташа объяснила.

– Так, теперь уже и выходные заняты. Надо брать домработницу. Мне, кстати, Дебора Дмитриевна предлагала...

Дебора Дмитриевна была старшей коллегой Артура, которую он безмерно уважал.

– Да? Пожалуй, действительно, надо взять кого-то. А то у меня столько работы помимо съемок, да еще меня приглашают на интервью...

– Не понял!

– Ну, у меня тоже хотят взять интервью для Первого канала и для журнала «Космополитен». Да и готовиться к съемкам надо...

– Да, кто бы мог подумать... А меня, между прочим, тоже пригласили на телевидение!

– Куда это?

– В программу «Судьи и судьбы».

– Ты согласился?

– А почему бы и нет? Я в конце концов не последний в этом городе адвокат.

– Ну что ж... Может, ты скоро тоже пропишешься на телевидении и будет у нас телесемья!

– Ты недовольна?

– С чего ты взял? Сходи, попробуй.

...Съемка была в самом разгаре, когда у монитора вдруг возник Кузьмин.

– Что тут у вас?

– Да черт знает что, – проворчал кто-то.

– Что такое?

– Да Наташка, бедолага, бьется с Мелеховым, никак его не

расшевелит. Он застыл в своем величии. Тупица! – вынесла вердикт редактор Лена.

Кузьмин опустился на подставленный ему стул. На экране Наташа и вправду маялась. Писатель Мелехов был непробиваем. Отвечал на вопросы вяло, односложно и, пожалуй, даже слегка презрительно. Бедная девочка... Ну, если у нее ничего не выйдет, мы просто не дадим это в эфир. И вдруг...

– Скажите, Генрих Вячеславович, а вы хороший человек? – вдруг разозлилась Наташа.

Писатель, не ожидавший такого вопроса, вдруг словно проснулся.

– А почему вы об этом спрашиваете? Вы что-то прочли обо мне в Интернете? Мало ли какие гадости там о людях пишут! Или вы знакомы с моей бывшей?

– Да что вы, я ничего такого не имела в виду! Я просто спросила. А вы не ответили и почему-то забеспокоились...

– Да! Я хороший человек! Чтобы обо мне ни говорили. Я всегда соблюдаю основной закон...

– Конституцию? – неподражаемо подняла бровь Наташа.

– Нет, для меня основной закон это десять библейских заповедей!

– И вы их никогда не нарушаете?

– Представьте себе!

– Все-все?

– Да!

– О, это поистине достойно восхищения! Но тут есть

некие противоречия. Вот, например, не сотвори себе кумира, а в вашем интервью журналу «Огонек» вы признаетесь, что ваш кумир это Достоевский... – с лукавой улыбкой заметила Наташа.

– Это совершенно иное дело!

– Но все-таки кумир?

– Я не принимаю этого упрека!

– Хорошо! А как быть с заповедью «Не прелюбодействуй»?

– Вы обвиняете меня в прелюбодеянии? – взвился писатель.

– Боже сохрани! Но вы сами говорили моему коллеге на канале НТВ, что вы... Цитирую: «Я могу сказать о себе, что я бабник, ну просто не в силах устоять перед красивой бабенкой. И вообще, друзья называют меня «альфа-самцом». Или вы альфа-самец-теоретик?

– Что вы себе позволяете, девушка?

– Ничего. Просто констатирую очередное противоречие. Вот уже две заповеди вы точно нарушаете, а там еще и третья сама собой напрашивается...

– Это какая же?

– «Не возжелай жены ближнего своего». А, Генрих Вячеславович?

Слава богу, у писателя хватило ума расхохотаться. Он лукаво погрозил Наташе пальчиком.

– Да, не зря мне говорили, что с вами надо держать ухо

востро!

Дальше беседа потекла уже нормально.

– Ах, какая девка! – хлопнул в ладоши режиссер. – Вырулила! Но при этом всем показала, какой дурак этот Мелехов. Да, Глеб Витальевич, это поистине бесценный кадр.

– Скоро на нас такой наезд в сети будет, – вздохнула редактор Алла Георгиевна.

– Ничего, зато рейтинги подскочат до небес! Наверняка Мелехов завтра будет в сети жаловаться на наш канал, на Наташу, а нам только того и нужно! – смеялся Кузьмин. – Скажите, Володя, я вот что подумал, а может, нам снимать все-таки по три программы в день, но два дня в неделю?

– Хозяин – барин! Но вообще-то Наташка в конце четвертой программы уже неживая. Мы-то отработали смену и домой, а она... Хотя, судя по сегодняшней съемке, еще о-го-го!

– Ладно, подумаем.

Съемка закончилась. Из студии вышел Мелехов. И сразу испарился, даже не сняв грим. Вскоре вышел оператор, а потом появилась Наташа. Она была страшно возбуждена.

– Вова, скажи, получилось хоть что-то?

– Ну, ты, мать, дала! Я сперва думал в брак все пойдет, а ты так его раскрутила!

И тут Наташа увидела Кузьмина.

– Глеб Витальевич? Какими судьбами?

– Да вот был тут, зашел посмотреть... Лихо вы его! Как вам в голову пришло спросить, хороший ли он человек?

– Не знаю. Просто я уже начинала его ненавидеть... – засмеялась она.

– Молодчина! Просто восторг!

– Ну, первую часть, наверное, надо будет слегка сократить, а то зрители со скуки помрут.

– Чепуха! Дадим рекламную нарезку из самых острых моментов, сама что ли не знаешь, – заметил Володя.

– Ох, я так устала, что уже плохо соображаю. Простите, Глеб Витальевич, мне надо поскорее снять грим, к концу съемок он на меня давит...

– Да-да, конечно. Надеюсь, вы завтра будете на нашем мероприятии?

– Это обязательно?

– Да, Наташа, уж не взыщите, но...

– Хорошо, я буду. К которому часу?

– Ну, вам можно приехать к часу. А мне с самого утра, – вздохнул он. – Основная масса народу уже там. Я пришлю за вами машину к двенадцати.

– Да я могла бы и сама.

– Нет-нет, машина будет.

– Спасибо.

– Наташа, я хотел еще... А впрочем, поговорим на природе, вы слишком устали.

– Да, спасибо.

– Спокойно ночи, Наташа.

– А тебе обязательно мчаться на эту тусовку? – с недовольным видом спросил Артур.

– Увы! Думаешь, мне хочется?

– Откуда я знаю?

– Ты прекрасно знаешь, что я в принципе не люблю тусовок.

– Ну, мало ли что было раньше, до эпохи телевидения.

В голосе мужа Наташе послышалось явное недовольство. Но она так устала, что предпочла не обращать на это внимания. Поворчит, перестанет.

Когда объявили так называемый кофе-брейк, Кузьмин спустился в холл и спросил у девушки-администратора:

– Простите, а госпожа Завьялова приехала?

– Еще нет.

Он посмотрел на часы. Десять минут второго. Пора бы ей уже быть. Но в конце концов мало ли что могло ее задержать... Пробки бывают и по субботам, особенно на выезде из города, весна все-таки. Народ рвется на свои фазенды.

И тут он увидел ее. Она была в светлых брюках и коротенькой пестрой жакетке. Кузьмин почувствовал, что душа уходит в пятки. Или это называется «сердце оборвалось»? Он испугался, откровенно испугался силы своего чувства.

– Глеб Витальевич! – улыбнулась она. – По вашему приказанию прибыла.

– Я рад... Вы чудесно выглядите! Успели заметить, какой

тут дивный воздух?

– Честно говоря, нет, не успела. Шофер подвез к самому входу.

– А кофе хотите? У нас как раз кофе-брейк...

– Хочу! Спасибо!

– Тогда момент!

Он что-то сказал девушке-администратору, взял Наташину дорожную сумку.

– Идемте!

Наташа последовала за ним. Он привел ее на небольшой уютный балкончик, где стояли всего два столика.

– Садитесь, Наташа, кофе сейчас принесут, а пока дышите полной грудью.

– А тут и в самом деле хорошо дышится. Спасибо.

– Наташа, я давно ждал случая высказать вам... Вы здорово работаете! Вчера я наблюдал непосредственно... Это было виртуозно. Но, как я и предполагал, Мелехов уже выложил в Интернет довольно злобную заметку...

– Да черт с ним, – поморщилась Наташа.

– Безусловно! – рассмеялся он. – Нам это только на пользу. И еще... На вас удивительно интересно смотреть во время беседы, вы так живо на все реагируете... И я слышал массу восторженных отзывов.

– Глеб Витальевич, вы меня захвалите.

– Наташа, я хочу предупредить...

– О чем?

– К вам скоро начнут подъезжать с других каналов, переманивать, перекупать...

– Глеб Витальевич!

– Пока таких заходов не было?

– Нет.

– Будут. Но я прошу вас об одном. Ставьте меня в известность о том, что именно вам предлагают.

– Глеб Витальевич, это как-то само собой разумеется. И потом, у меня контракт, но дело даже не в этом, я вообще не люблю метаться в поисках лучшей доли... Я просто очень верный человек по натуре, – чуть смущенно улыбнулась она. – Если мне хорошо, а мне сейчас на канале хорошо, зачем я буду...

– Наташа, вы... вы какой-то бронтозавр, что ли... Во всяком случае в нашей среде.

– Комплимент сомнительный, надо заметить, – рассмеялась Наташа.

А у него от этого смеха все внутри перевернулось.

Появился молоденький официант, принес кофе, корзинку с пирожными и вазу с фруктами.

– Наташа, рекомендую, пирожные тут отличные.

Сейчас она скажет, что в рот не берет пирожных... Но она с любопытством разглядывала их, потом положила себе на тарелку эклер и корзиночку.

– Обожаю сладкое! – чуть смущенно проговорила она.

И он сразу вспомнил, как в питерском кафе она с насла-

ждением уплетала торт, перед тем как он подошел к ней.

– Правда, вкусно! И кофе отличный! Глеб Витальевич, а здесь есть бильярд?

– Бильярд? Есть. А вы что, играете?

– Да. Обожаю, но с тех пор как работаю у вас, ни разу не играла, времени совсем нет.

– А я никогда даже не пробовал... Как-то не тянуло.

– О, так вам надо научиться... Это кайф!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.